

ПОСУХОВА Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (344 006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; belloks@yandex.ru)

СЕРИКОВ Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (344 006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; avserikov@sfedu.ru)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РФ В ОЦЕНКЕ И ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье анализируются позиции населения Южно-Российского региона относительно оценки национальной политики. На основе эмпирического материала делается вывод, что, признавая межнациональные отношения стабильными, население региона подчеркивает доминирующую роль властных структур в реализации национальной политики и необходимость привлечения к ней гражданских и религиозных ассоциаций в соответствии с их реальным авторитетом и влиянием на жизнь регионального социума.

Ключевые слова: национальная политика, гармонизация межэтнических отношений, этнокультурное своеобразие, национально-культурные ассоциации, этноконфликтность

Национальная политика в РФ направлена на гармонизацию межэтнических отношений, сочетает стимулирование процессов гражданской консолидации и поддержку этнокультурного разнообразия. В региональном контексте важную роль играет эффективность национальной политики в достижении межнационального мира и согласия. Различные аспекты межэтнических отношений уже становились предметом научного осмысления. Так, имеются работы, посвященные формированию модели ценностной политики в сфере регулирования межэтнических отношений [Волков, Денисова, Лубский 2017], выявлению оснований системного менеджмента [Авксентьев и др. 2014], особенностям коммуникативного управления посредством мифологизации [Солодовник, Заяц 2017], влиянию территориальной локализации на межэтнические отношения [Бедрик, Сериков 2016], анализу конкретных практик регулирования межэтнических отношений в контексте миграционных процессов [Бедрик, Стукалова 2016], выявлению эффективных медиаторов [Войтенко, Сериков 2016] и конфликтогенных факторов [Тхагапсоев, Калмыкова, Черноус 2016] в урегулировании межэтнических отношений.

Южно-Российский регион характеризуется этническим разнообразием, в котором на состояние национальной политики влияют не только структурно-институциональные факторы, но и динамика массовых настроений, образы национальной политики, которые формируются под влиянием исторического опыта, установок в сфере межэтнических отношений и регулирования этнополитических и этнических конфликтов.

Так как ведущее направление национальной политики в России – оптимизация модели федеративного устройства, специфика которого заключается в опоре на этнотерриториальный принцип [Волков и др. 2016: 97], актуальным является выявление оценки национальной политики населением Южно-Российского региона в контексте состояния межэтнических отношений внутри региона, контактов в публичной сфере и на межличностном уровне, понимание населением региона тех условий и трендов, которые поддерживают идею России как

общего дома для всех народов. В контексте вышесказанного важно подчеркнуть, что зарубежный опыт гармонизации межэтнических отношений имеет на Юге России определенные допущения и ограничения, связанные с массовыми настроениями населения, его готовностью к совместным межэтническим практикам и взаимодействию с структурами, ответственными за реализацию национальной политики в регионе [Волков и др. 2016].

В данной статье анализируются результаты массового опроса на тему «Оценка населением национальной политики в России и определение его готовности к имплементации моделей ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений США и Германии в российских условиях», проведенного осенью 2016 г. в 6 регионах Юга России (Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Крым, Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская обл.). Общий объем квотной выборки составляет 2 360 чел. В целом по массиву были опрошены 44,7% мужчин и 55,3% женщин.

Как показывают результаты проведенного опроса, население региона достаточно высоко оценивает состояние межнациональных (межэтнических) отношений в России: 37% полагают их спокойными в России и 45,9% — на локальном уровне. Речь идет, таким образом, о том, что позитивная оценка состояния межэтнических отношений определяется отсутствием открытой конфликтности. Очевидно, что взлет межэтнической напряженности, который проявлялся в 1990-е гг., миновал, но это не является долгосрочным трендом, поскольку респонденты считают, что состояние межэтнических отношений далеко от нормативного, провозглашенного в направлениях национальной политики.

Другими словами, на восприятие респондентами национальной политики влияет фактор желаемого, стремление видеть межнациональные отношения не проблемными, а имеющими характер рутинности, воспроизводства узнаваемых ситуаций. Поэтому национальная политика интерпретируется на языке повседневности, связана со стереотипами этнического общения, с опытом коммуникации с людьми других национальностей.

Позитивная оценка межэтнических отношений выявляет доминирование установок на принятие этнической идентичности в соответствии с пониманием роли государства в процессе их становления. Большинство респондентов заявляют об отсутствии враждебности и агрессивности по отношению к людям других национальностей (в целом 74%), в то же время для них актуальным является реализация национальной политики государства, учитывающей интересы конкретной этнической группы. В этом смысле очевиден раскол респондентов на группу этнических преференций (33,7%), которая ожидает от государства поддержки культуры и религии большинства населения страны, и группу респондентов (37,8%), которые придерживаются позиции равенства народов, заявляя о том, что государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России.

Не абсолютизируя различия в позициях, можно констатировать, что здесь проявляются, с одной стороны, тенденция к традиционалистскому истолкованию роли государства, согласно которому опорой государственности выступает русский народ, и с другой — к современному, ориентированному на многонациональный народ России, включающий все без исключения этнические группы. Для респондентов важно, чтобы национальная политика основывалась на недопущении этнической дискриминации и проявлений национализма и сепаратизма.

Для «преференциалистов» усилия государства должны быть направлены на закрепление ведущего статуса русского народа как гаранта стабильности межэтнических отношений. С другой стороны, существует и неприятие такой позиции, связанное с рисками межэтнического недоверия, напряженности и «русификации», и нацеленность на баланс межэтнических отношений. Равенство

заявленных позиций показывает, что на региональном уровне проявляются определенные проблемы в межэтнических отношениях, связанные с латентной конфликтностью по поводу неравного доступа к имущественным, правовым, властным ресурсам. Население региона также выражает недовольство деятельностью отдельных чиновников, их некомпетентностью, формализмом в разрешении конфликтов, затрагивающих интересы представителей различных этнических групп на социальном микроуровне, в повседневной жизни.

В связи с этим можно говорить о рецидивах «бытового» национализма, который, однако, как показывает опыт прошлых лет, может обрести характер этнополитического конфликта, возведение бытовых претензий в статус столкновения этнонациональных интересов. В контексте социологического исследования выявлено, что большинство респондентов (76,2%) настроены на мирное разрешение межэтнических конфликтов и осуждают политику насилия, подчеркивают ее недопустимость. Вместе с тем есть определенное противоречие, связанное с принятием национальной политики, направленной на защиту прав собственной этнической группы и допущение «дозированного» легального насилия по отношению к нарушителям межнационального мира и согласия.

При этом почти половина респондентов подчеркивают, что человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации (49,8%): общероссийская идентичность содержит установку на консолидацию населения вокруг государственности и избегание этносепаратистских тенденций. Как отмечают российские социологи, необходимо построение общего дискурсивного пространства российской идентичности, что в контексте национальной политики предполагает реализацию консолидации вне этнического критерия [Гражданская ... 2013: 228]. Очевидно, что население не воспринимает риторику «дружбы» и ориентировано на поддержание режима равенства и справедливости в межэтнических отношениях.

Для респондентов важно, чтобы, ощущая себя частью своей национальности, человек испытывал гордость за принадлежность к общероссийской нации. Таким образом, население Южно-Российского региона, определяя ситуацию как стабильную, видит движение национальной политики по направлению к созданию общероссийской нации на принципах равенства этнических групп (народов) РФ. Если говорить о том, что национальная политика проявляется в повседневной жизни на уровне схем коллективного и индивидуального опыта, то несомненным является вывод о встраивании населения в дискурсивное пространство национальной политики, обретении им компетентности и информированности относительно актуальных межэтнических отношений.

Пока же респонденты считают, что инициатива в сфере национальной политики должна принадлежать государству и входить в компетенцию властных структур. В рамках позиционирования стабильности межэтнических отношений в регионе выявляется интересное обстоятельство, связанное с тем, что респонденты никогда не забывают о своей национальности (56,1%), что дает основания предположить наличие «скрытого этноцентризма». Не декларируя приверженность идее исключительности своей национальности, респонденты, тем не менее, заявляют, что человеку нужно ощущать себя частью своей национальности (40,5%).

Судя по оценке национальной политики, респонденты не претендуют на иерархию приоритетов и целей, связанных с различным подходом к конкретным этнонациональным группам. Их позиция вполне совпадает с дискурсом национальной политики, направленной на поддержание этнокультурного разнообразия. В то же время проявляется определенное противоречие между установкой на общероссийскую идентичность и закреплением чувства принадлежности к определенной

этнонациональной группе. Существующее напряжение нельзя считать значительным, если этническая принадлежность является символической и не направлена на усиление позиций по отношению к социальным и властным ресурсам.

Но проблема заключается в том, что дискурс общероссийской идентичности обращен в основном к прошлому, опирается на общность территории и истории. Это дает основание считать, что в актуальной оценке межэтнических отношений может проявляться неудовлетворенность по поводу несправедливости в отношении к статусу конкретной этнонациональной группы. Другими словами, консолидационный потенциал общероссийской идентичности не влияет на конструирование межэтнических отношений на межличностном уровне. Констатируя этот факт, следует подчеркнуть, что респонденты, выражая стремление к закреплению собственных позиций в межэтнических отношениях, полагают необходимыми равноудаленность государства в применении штрафных санкций по отношению к нарушителям межнационального мира и согласия и опекунов в сфере распределения социальных и властных ресурсов.

То, что в региональном социуме только 10,2% людей не задумываются о своей национальности, свидетельствует об укорененности у россиян примордиалистского комплекса и слабом развитии чувства гражданской нации. Категоричное заявление 34,4% респондентов о том, что они ощущают себя представителями своей национальности, влияет на гражданский комплекс тем, что потенциально любое ущемление или ограничение прав может привести к обидам и чувству депривированности на национальной почве. Между тем, считая, что национальная политика принадлежит к сфере ответственности властных структур, респонденты создают прецедент «неучастия», занимают позицию наблюдателей по отношению к возможным межнациональным конфликтам и трениям. Это обстоятельство сужает возможности саморегулирования межэтнических отношений, что могло бы стать сильным стимулом в движении к гражданской нации.

Мнение 27,8% респондентов, что русские несут основную ответственность за судьбу страны в целом, свидетельствует, что неразвитость гражданской инициативы замыкает оценку национальной политики на роли ведущего этноса. В таком контексте возможно возникновение конфликтных ситуаций, связанных с тем, что в условиях ухудшения межнациональных отношений или принятия неэффективных решений властными структурами русских могут винить в пренебрежении интересами других национальных групп. Таким образом для националистов создается удобная ситуация для заявления о скрытой этнодискриминации.

В анализируемой конфигурации обращает на себя внимание факт несоответствия между заявкой на создание общероссийской нации и внесением в этот процесс этнического момента. Если следовать упомянутой выше позиции, можно предположить, что представители нерусских национальностей не только могут испытывать дискомфорт, но и либо заявлять о необходимости реализации квотного принципа, либо ссылаться на особые права этнических меньшинств. Учитывая этот факт, следует подчеркнуть, что для Южно-Российского региона, в котором компактно проживают представители различных этносов (армяне, адыгейцы, курды, калмыки, турки-месхетинцы), важным является ориентированность национальной политики на поддержку гражданских инициатив, исходящих от структур этнопредставительства.

Подчеркивая альтернативность мирного конструктивного диалога, респонденты, тем не менее, не полностью воспринимают усилия по укреплению стабильности межэтнических отношений. Если Россия является общим домом всех народов, то речь идет о формировании условий для привлечения к межэтнической кооперации всех этнических групп вне зависимости от численности и ареала расселения.

Вероятно, что влияние неозакартического комплекса на оценку национальной политики поддерживает ее позитивное восприятие, но, с другой стороны, закрепляет статус неучастия на личностном и групповом уровнях. Практически национальная политика сужается до взаимодействия властных структур и национально-культурных ассоциаций землячеств. А при условии того, что формирование российской гражданской нации является объективным требованием, существующие принципы национального территориального самоопределения, территориализация этничности, принятая еще в СССР, являются барьером на пути включения механизмов гражданской консолидации.

В этой ситуации этническая принадлежность становится маркером карьеры, жизненных стратегий, оценки жизненных шансов и может вывести на конфликт, связанный с доступом к правовым, социальным и властным ресурсам. Респонденты, ориентированные на ведущую роль русского этноса, вероятно, полагают, что, в отличие от малых наций, русские более привержены идее равенства наций и являются наследниками советского интернационализма. Такая позиция является этническим стереотипом, хотя и закреплена в политической практике советского периода. Исходя из реально сложившейся ситуации, можно говорить о том, что важным является привитие чувства гражданской ответственности независимо от национальности и внесение в региональную национальную политику политико-правовых положений, связанных не только с повышением ответственности властных структур за состояние национальных отношений, но и закреплением участия этнических групп в стабилизации межнациональных отношений. Иными словами, национальная политика, в которой приоритетной объявляется защита прав и свобод граждан в сфере этнического и этнокультурного развития, эффективна, если определяется ответственностью за поддержание межнационального мира и согласия. Речь также идет о том, что в нынешних условиях для Южно-Российского региона применение закона о национально-культурной автономии¹ требует перечисления модальных факторов, направленных на включение механизмов добровольной самоорганизации граждан и сочетание деятельности по сохранению этнической самобытности с общей целью гармонизации межэтнических отношений.

В реальности НКА ориентированы на проведение юбилейных или «дежурных» культурно-политических акций. Поддерживая символизм подобных инициатив, следует сделать работу по межэтническому взаимодействию регулярной, чтобы у респондентов снижалось влияние этнических стереотипов. Это возможно в рамках образовательных и культурных программ, включающих знакомство с культурным наследием и текущей культурной жизнью этнических групп, составляющих население региона.

В этом контексте деятельность НКА приобретает гражданскую ориентацию и расширяет рамки влияния с режима «сохранения самобытности» на деятельность, направленную на интеграцию в региональное сообщество. Оценка эффективности деятельности различных органов в сфере профилактики межэтнических отношений показывает, что потенциал диаспор оценивается невысоко, хотя и достигает в Ставропольском крае 28,6%, что связано не с эффективностью деятельности по налаживанию межэтнического диалога, а с земельной проблемой, где руководство диаспор проявляет наибольшую активность [Волков и др. 2016: 165].

Можно сделать вывод, что национально-культурные ассоциации, хотя и проявляют спорадическую активность на региональном уровне, не являются функциональными в реализации государственной национальной политики. В связи с этим респонденты обращают внимание на деятельность религиозных органи-

¹ Федеральный закон от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изм. и доп.). Доступ: <http://base.garant.ru/135765/> (проверено 29.07.2017).

заций, имеющих более высокий показатель одобрения в сфере профилактики межэтнической напряженности по сравнению с национальными ассоциациями и диаспорами. Необходимо отметить, что в то же время религиозные организации вносят разделительные линии в межэтнические отношения, что при этнизации религиозного фактора приводит к возрастанию рисков межконфессиональной напряженности.

Учитывая, что только 5,7% респондентов признаются в регулярном участии в жизни религиозных общин, а 15,6% участвовали в мероприятиях в поддержку традиционных религиозных ценностей, можно предположить, что в рамках вовлечения религиозных организаций в разработку и реализацию национальной политики прослеживается тенденция к этнополитизации. Закрепление за конкретной этнонациональной группой традиционных религиозных ценностей может создать эффект дистанцирования по отношению к другим группам, «подозреваемым» в недостаточной религиозности.

В таком контексте участие религиозных организаций и ассоциаций регулируется российским законодательством, но здесь есть определенные сложности, связанные с тем, как перейти от церемониальности религиозных организаций в сфере межэтнических отношений к взаимодействию с гражданскими структурами в поддержании межнационального мира и согласия. Дело в том, что в нынешней ситуации проявляется реальный риск претензий этнопартий на монополию в религиозной жизни, на трактовку традиционных религиозных ценностей и стремления извлечь политические предпочтения в рамках конфессионального дискурса.

К тому же нынешняя ситуация характеризуется возложением на религиозные организации функций поддержания «морального порядка», но национальная политика нацелена на гармонизацию межэтнических отношений и включает не только традиционные, но и гражданские ценности. Таким образом, определяя рамки деятельности религиозных организаций в налаживании межэтнических отношений, следует определить эффективные формы координации действий властных структур с общественными организациями, не придавая особого статуса религиозным организациям, не возлагая на них роли «миротворца» в межэтнических отношениях, что является избыточным.

Наличие неократического комплекса в настроениях населения региона может трактоваться как слабость властных структур или их самоустранение от актуальных проблем межэтнических отношений. Следует помнить, что, несмотря на высокий авторитет церкви как института, массовое сознание отказывает ей в праве властных полномочий, которые признаются за государственными структурами. В этом контексте важным является определение реального вклада религиозных организаций в решение конкретных проблем межэтнических отношений в сфере культуры, воспитания, образования.

Респонденты признают, что символический капитал религиозных деятелей в основном влияет на представителей религиозных общин (28,3% – прихожане православной церкви и 38,0% – мусульманские общины). Очевидно, что для населения Южно-Российского региона религиозность, хотя и определяет этнокультурные параметры жизни, не конструирует ситуацию в межнациональных отношениях. Одновременно нет оснований считать плодотворными дебаты на тему улучшения межнациональных отношений, если формировать дискуссионное поле вокруг конфессионального фактора.

В национальной политике важным является эффективная «скрытая» работа по предотвращению этнодискриминации и открытый публичный дискурс в реализации конкретных стратегий управления национальными отношениями в регионе. Это означает, что на повестке дня встает вопрос о устранении или, по край-

ней мере, снижении влияния общественных и экономических диспропорций, отказе от их описаний в терминах межэтнических отношений. Иными словами, восприятие и оценка национальной политики населением региона имеет позитивную направленность, если связана с поддержанием стабильности и равенства в межэтнических отношениях.

В основе оценки национальной политики в Южно-Российском регионе респонденты исходят из целостности социальной жизни и определяют проблемные моменты национальных отношений не в рамках этнических категорий, а в силу влияния межэтнических отношений на повседневную жизнь. Очевидно, что это влияние проявляется достаточно слабо, и оценка респондентов основывается на осознании «отсутствия открытой конфликтности». В то же время позиции респондентов свидетельствуют о наличии факторов межэтнической напряженности, недоверия между отдельными группами и нерегулярности межэтнических контактов. В этом смысле проявляется разрыв между институциональным и межличностным измерениями национальной политики в регионе.

Важно, что оценка национальной политики локализована и не определяется знанием процессов, происходящих в целом в регионе. Отсюда дифференциация в восприятии национальной политики, где наиболее проблемным является Ставропольский край. Можно сделать вывод, что актуальность национальной политики оценивается по степени этнической неоднородности конкретной локальности. Считая, что национальные отношения в целом стабильны, респонденты желали бы видеть в национальной политике более высокий уровень гарантированности предотвращения этнической конфликтности и, главное, принятие действий, способствующих укреплению правового равенства и движению к гражданской нации.

В то же время ясно, что в предшествующий период значительно закрепился этницизм – приверженность этнической идентичности – и в качестве компенсации утраченной советской идентичности, и в качестве инструмента артикулирования социальных и политических претензий. Национальная политика в Южно-Российском регионе имеет позитивные результаты, но не направлена на долгосрочные показатели стабильности. На ее реализацию влияют ситуативные факторы, и позиции респондентов показывают, что в национальной политике есть «узкие места», связанные с бюрократизмом, медлительностью властных структур, и со слабым представительством общественных организаций, дефицитом социальной саморегуляции на межличностном уровне.

Таким образом, национальная политика в Южно-Российском регионе, согласно массовому опросу, не определяется в качестве основной в региональной жизни, учитывая комплекс социальных и экономических проблем. В то же время респонденты подчеркивают ведущую роль государства в реализации национальной политики и желательность гармонизации межэтнических отношений на основе укрепления общероссийской идентичности и защиты этнокультурного своеобразия. Такая позиция является перспективной в реализации целей национальной политики, но требует внимательного отношения к механизмам воспроизводства понятного и открытого сотрудничества для легитимации национальной политики.

Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Список литературы

Авксентьев В.А., Васильченко В.А., Маслова Т.Ф., Лепилкина О.И. 2014. *Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе*. Ростов н/Д: Южный научный центр РАН. 274 с.

Бедрик А.В., Сериков А.В. 2016. Крупный южнороссийский город как среда межэтнического взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону). – *Социально-гуманитарные знания*. № 11. С. 123-131.

Бедрик А.В., Стукалова Д.Н. 2016. Антропоток и регулирование межнациональных отношений в регионе. – *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 8-9. С. 34-39.

Войтенко В.П., Сериков А.В. 2016. Роль национальных общин, землячеств и диаспор в урегулировании межнациональных и межконфессиональных отношений в городе Ростове-на-Дону. – *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. № 6(59). С. 84-95.

Волков Ю.Г., Бедрик А.В., Войтенко В.П., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Денисова Г.С., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. 2016. *Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта*: монография. М.: Социально-гуманитарные знания. 318 с.

Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. 2017. Публичный диалог как основа ценностной политики в сфере межэтнических отношений. – *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. № 2. С. 147-153.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра (рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева). 2013. М.: РОССПЭН. 485 с.

Солодовник Л.В., Заяц П.В. 2017. Социокоммуникативные предпосылки разбалансирования социальной ситуации в современной России: миф или реальность. – *Власть*. Т. 25. № 3. С. 41-48.

Тхагапсоев Х.Г., Калмыкова А.Р., Черноус В.В. 2016. Историкографическая методология как источник рисков и конфликтогенный фактор. – *Научная мысль Кавказа*. № 1(85). С. 21-27.

POSUKHOVA Oksana Yur'evna, Cand.Sci. (Soc.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Regional and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; belloks@yandex.ru)

SERIKOV Anton Vladimirovich, Cand.Sci. (Soc.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; avserikov@sfnedu.ru)

RUSSIAN NATIONAL POLICY IN ASSESSMENT AND PERCEPTION OF SOUTH-RUSSIAN REGION POPULATION

Abstract. The article analyzes the positions of South-Russian region population regarding national policy. On the base of empirical material, the authors conclude that while recognizing interethnic relations as stable, the population of the region emphasizes the dominant role of power structures in the implementation of national policy and the need for involvement of civil and religious associations in accordance with their real authority and influence on the life of the regional society.

Keywords: national policy, harmonization of interethnic relations, ethno-cultural identity, national-cultural associations, ethno-conflict